
Константин Смольняков*

СКОТОПРИГОНЬЕВСК И ГРАД СВЯТОЙ ИЕРУСАЛИМ

Традиционное представление о России как о Святой земле, втором Израиле и новой Палестине несомненно находит отражение в романе «Братья Карамазовы». Прежде всего, свидетельством тому является название его основного места действия, т.е. самого города Скотопригоньевска, как средоточия язычества, где сами люди, в том числе и главные из персонажей, уподобляются скотам. К примеру, Митя, как известно, — «злому насекомому», Иван, что характерно, — сфинксу, Павел Смердяков, «сын подъяремной» (Мф. 21: 5) (или обложенной грехами, потому Смердящей), — «Валаамовой ослице», псу. Алеша наряду с другими мальчиками, так же, как Илюша Снегирев, — какой-либо из птиц, пусть даже благородных, но, в конечном счете, по своей ничтожности и тварности (Мф. 6: 26, 30) напоминающих гусей¹, «курицу в эпилептическом припадке» (помимо Смердякова — ту же Хохлакову)², которые никак не могут быть, по утверждению автора поэмы «Великий инквизитор» (14; 238), казалось бы, тем самым³ среди избранных Божиих⁴. Что, однако, опровергает Сам Господь в видении апостола Петра в Иоппии (Деян. 10: 11—15), когда Он предлагает ему принять в лоно Церкви тех же нечистых «четвероногих земных зверей», а также пресмыкающихся, птиц, поскольку то, «что Бог очистил» (или носящий Его образ: например, Алеша — своих учеников), того уже «не почитай нечистым». Напро-

---

* Смольняков Константин Петрович — кандидат философских наук, живет в Старой Руссе.

тив, вслед за предсказанием пророков, что раскрывает далее апостол Павел (Рим. 9: 25—31; 10: 19—21), именно они отныне должны стать избранным, святым народом, а равно — их земля, где утвердится истинная Церковь (представленная символически в конце романа).

Достоевский, полагая свой народ самым языческим, способным породить дракона, как слуга Григорий⁵ (не случайно, поскольку тот и есть Аполлион, вернее — Аполлон в «Записках из подполья»)⁶, поэтому считал его и самым христианским (ибо Спаситель-Агнец также был рожден в загоне для скота и происходил из Галилеи, полуязыческой страны⁷, подобно большинству Его апостолов). Что же касается самой России, то главным здесь оплотом веры писатель вследствие того рассматривал ее наиболее близкую к природе часть, а потому хранящую в себе «древнейших <...> и поганейших», указывал он, «идолов» (25; 12), которые вдруг проявляются в виде того же «шестипалого дракона». Т.е., иначе говоря, подлинной твердьней православия в России предстает т.н. «земство», или же простой народ, что составляет «почву», т.к. происходит из нее, «выскакивает» из земли, словно Адам (23; 96), или заводится в ней, будто растение — из плесени. Именно он и составляет «тело Церкви», поскольку ему мать — «сыра земля», а значит — Богородица, через Которую последний — сотелесник Самого Христа, носитель Его образа, или тем самым — «богоносец». Вот почему в грядущем «увенчание» общественного здания, той же Вселенской Церкви должно начаться снизу, а не сверху (27; б), ее столицей, Третьим Римом и Новым одновременно Иерусалимом — стать не Петербург, а, как и полагается, — Москва, и еще более — провинция, где живет языческий, «образа звериного» народ⁸, поэтому и символом ее выступает соответственно⁹ вслед за Тверью (вызывающей определенные ассоциации)¹⁰ или Мордасовым — Скотопригоньевск.

То, что прообразом главного места действия романа «Братья Карамазовы» явился не Козельск, от коего было лишь позаимствовано в измененном виде его название, хотя он расположен рядом с описываемой Оптиною пустыней (собой отражая, таким образом, указанную ранее взаимосвязь между язычеством и христианством), помимо прочего, объясняется еще и тем, что Старая Русса, занимая это место, гораздо больше, несомненно, соответствует ему. При том, что здесь прослеживается то же самое соотношение между воз-

вышенным, духовным: монастырем поблизости от города¹¹ (своим названием — Косин, или Косинский Николаевский — напоминающим Козельский Оптин с явной очевидностью), — и низменным, материальным: расположенной в центре того же города Скотопригонной площадью¹², — все это дополняется, помимо прочего, и сверх того — иным, не менее существенным и более конкретным. Прежде всего, уже в своем названии сей город несет первоисток, начало всей России, что дополняется известными сказаниями, например, у Н.М. Карамзина¹³, в истинность которых, вслед за М.В. Ломоносовым (собой открывавшим к этому дорогу)¹⁴, или таким же, как и А.С. Пушкин, в представлении писателя — пророком¹⁵, он, возможно, верил¹⁶. В романе это подтверждается и тем, что главные его героини, с которыми нередко братья Карамазовы знакомятся совсем в других местах, к примеру — с Катериной Ивановной и Лизой Хохлаковой, оказываются непосредственно вдруг связаны (поскольку здесь имеют родовые свои гнезда) со Скотопригоньевском, или иначе — Старой Руссой¹⁷. И то же самое, по-видимому, следует сказать о Грушеньке, сюда когда-то привезенной и чужой, казалось бы, для всех, но неожиданно, как выяснилось, нет, о чем свидетельствует то, что здесь живет ее ближайший родственник — Ракитин.

Т.е., по сути, изначально отсюда происходят все, причем не только лишь в России, но и она сама, но и вообще — весь мир, и в целом — вся природа, которую как бы вмещают в себе Карамазовы. На что указывает их фамилия, собой обозначающая, в первой своей части 4 направления Вселенной, а также перевозданную стихию, или землю — во второй¹⁸ (от слов — карé и масса), и параллельно — тьму, мрак ночи или черноту, когда была одна вода лишь, «яже бе над твердию». Поэтому в Скотопригоньевске так много всяческих канав, из коих главная — река Смердящая, которая в себе несет все те же воды хаоса, рождая Душу мира, великую, святую Мать всего живущего, или иначе — Богородицу. Последнюю в романе представляет ее сестра, как и в Евангелии — Лизавета, здесь прозванная не случайно так, или по названию реки, от этого и внутренне в себя вмещая «обе бездны»: ту, что внизу, и ту, что вверху (являясь «низкой» и во всем виновной, по отзыву слуги Григория, и вместе с тем святой, безгрешной — 14; 92—93). Подобная противоречивость характерна также и для братьев Карамазовых; все трое символически составляют всю трех-

членную структуру мира: Алеша — небо, Митя — землю, Иван, поскольку он — «могила», хотя бы призванный к иному¹⁹ — преисподнюю²⁰.

Такая близость середины, бездны и вершины созданной Вселенной отличает лишь единственное место, которое является космическим, религиозным центром, именуемым как «пуп земли» и расположенным в Иерусалиме. Перемещение его в Россию всегда, конечно, вызывало и попытку обосновать подобное явление, событие вселенского характера еще к тому же и географически, т.е. найти вдобавок наружное, видимое сходство со Святой землей, как это, например, произошло в известном месте под Москвой при патриархе Никоне в XVII веке, где был построен Новый Иерусалим. Вполне закономерно, что Достоевский также мог стремиться к этому буквальному отождествлению, но только в данном случае Скотопригоньевска — с Иерусалимом.

И дополнительным, по-видимому, стимулом к тому явилось для писателя уже само название истоков города, или тех самых «рек воды живой», что протекают вдоль него и как любому городу, в том числе небесному Иерусалиму, дают собою жизнь (поэтому в романе «Братья Карамазовы» или, к примеру, в «Преступлении и наказании» повсюду постоянно присутствует река, собою вызывая как бы все происходящее, опять-таки подобно водам хаоса). Столь знаменательным, конечно же, и неслучайным Достоевскому предстал в указанном здесь отношении тот факт, что в Старой Руссе есть и между собой сливаются реки Порусья и Полисть. Название последней даже в наше время нередко объясняли²¹ как производное от слова «полис», тем самым устанавливая линию преемственности, связь между античной, эллинской и древнерусской культурой. В романе Достоевского такой подход сказывается уже хотя бы во введении в повествование таких определяющих собой его структуру и наиважнейших сцен, как философские разговоры, например, «за коньячком» (а это есть ни что иное, как симпозиум), или сократических бесед о смысле жизни со всеми «рго» и «солтра» где-либо на агоре, базарной площади с торговыми рядами как аналогом античной стои.

Помимо этого, недаром у Илюшиной постельки, в его доме вновь поднимается вопрос о том, кто создал Трою, поскольку он и есть тот самый Иллюс, краеугольный камень в основании последней — то есть Илиона, как предтечи Рима. Наследники троянцев

и римлян постоянно думают о них, а потому усиленно, и даже вопреки себе или общественному мнению, твердят латынь²², они в дальнейшем и возведут все язычество на высшую ступень, преобразая в Третий Рим, или Храм Троицы иначе, достигнув, соответственно, заветной цели — земное государство вознеся до Церкви. Тогда вернется вновь сходящий с неба град Иерусалим, с которым непосредственно уже отождествляется Илюша, взятый Господом²³ (как и его святой, один из символов Израильского царства²⁴), к тому же заключая в имени своем (опять-таки вослед ему, т.е. пророку Илии) как бы созвучие Предтече²⁵ и вратам Святого града, через которые вошел торжественно Спаситель и в будущем грядет опять. Или тем самым — Елеону (в целом, может быть, столице, что именуется нередко по-арабски «Иїја»)²⁶. При этом названный герой, почти юродивый, болезненный и слабый мальчик, оттого — могучий богатырь, уподобляется, как следует отсюда, и собирательному образу другого, русского народа — Илье Муромцу, окаменевшему, собою послужив краеугольным основанием тогда, как и теперь (в лице преемника, конечно же, в романе Достоевского), возникшей Церкви.

В Илюше, таким образом, соединяется Россия и обетованная земля Святая (как в городе, где он живет, реки Порусья и Полисть), собой обозначающая также Палестину. И то, что первая из рек впадает во вторую, столь же значимо еще и потому, что здесь, на этом освященном месте (как несомненном символе исхода всех стремлений и самого, напротив, их начала) к тому же сходятся и оба ее русла (т.е. вновь — Порусьи, или Малашка с Перерыгицей, вдобавок и ручьи — Холопий, Княжий), т.е. условно говоря, две ветви общества: интеллигенция и соответственно — народ. Тем самым Достоевский мог увидеть во взаимном расположении двух рек (или, точнее, двух частей одной реки, их дополняющих ручьев) свою же аллегория, им высказанную некогда в статье «Два лагеря теоретиков» (20; 13) — своей программе. Т.е. эмблему — в качестве наглядного изображения всей сути почвенничества, собственной теории или пророчества, здесь даже внешне, зримо воплощенного, чудесным образом в том городе, что символически (а эта мысль звучит по отношению к семейству Карамазовых — 15; 345, 351) собою представляет всю Россию, ее исток, и, таким образом, как следует отсюда, дальнейшую ее судьбу, все назначение в грядущем.

В романе не случайно Федор Павлович живет (хотя о том не сказано буквально) на берегу одной из упомянутых рек, или, вернее, рукавов, а именно — на Перерыгице, поскольку он собой олицетворяет верхнюю часть общества, оторванную от корней и пролагающую новый путь, или другое русло. В жизни Карамазова-отца это сказалось в его Одиссее, длительной поездке в южные края, в Одессу, или участии в походе аргонавтов, которое писатель, как известно, полагал первым либеральным актом в человеческой истории. Во имя достижения все той же цели: обретения богатства, славы и свободы (когда, благодаря тому, становится вдруг «все позволено»), — умными и энергичными людьми, что не гнушаются обманом, злом, женитьбой по расчету, даже преступлением²⁷, чтобы добыть заветный идол власти над всем миром, или «золотое», в данном случае, «руно». Естественно, это ведет, в конечном счете, к нравственному нигилизму, который и у нас произошел от вдохновителя таких преобразований, первого в России реформатора — царя Петра. Согласно повелению его, по некоторым данным, и был прорыт искусственный канал, новое, прямое русло в духе разума, цивилизации вместо прежней бестолковщины²⁸, т.е. Перерыгица.

На берегу ее, собою воплотившей, таким образом, «Геологический переворот», напротив дома своего отца живет, по-видимому, также (после происшедшего, логического завершения подобных устремлений) в конце романа брат Иван. Уже хотя бы — вследствие того, что здесь находится кладбищенская церковь (а это так созвучно всей его натуре) Иоанна Богослова: по аналогии, к примеру, с Грушенькой, которая Светлова, поэтому и дом ее — возле собора Светлого Христова Воскресения, напротив вместе с тем (поскольку она есть «почвенная», или Grund и «агро»)²⁹ — храма «земледельца», т.е. (в переводе его имени) Георгия великомученика³⁰. Важным обстоятельством в связи все с той же Перерыгицей является расположение вблизи нее так называемой слободы Кукуй, напоминающей о таковой в Москве, или Немецкой, по-другому, слободе³¹.

Что же касается реки, собой олицетворяющей простой народ, или иначе — «малых сих», то в качестве последней выступает, таким образом, Малашка, естественное русло, засмердевшее от внутренних причин и внешних, привнесенных, заброшенное в первозданной дикости своей, поросшее крапивой, лопухами (сим-

волом — природной глупости и необузданных страстей), не обладающее даже словом. Верней — его печатью, как безъязыкий весь народ, лишенный формы и наружной чистоты (в том числе и нравственной), подобно Лизавете, так и прозванной — Смердящей. А по-другому — «с малы-им», что испытала над собой насилие, растление, греховное влияние, убившее в ней, как и в Матрёше³², Бога и погубившее в дальнейшем ее сына Павла (тоже — «малого»)³³ (15; 136). Но именно ей, т.е. реке Малашке, несмотря на всю ее инертность, слабость и застойность, воплощенных в Смердякове (в его смешной натуре идиота, полуживотного, как мать, или ребенка, о ком лишь только можно потому спросить: «Разве это человек?»)³⁴, — однако, тем не менее, подобно ему, указанной реке в романе отводится роль главного, сокрытого героя³⁵, что в силу изначальности своей и порождает все события. Как тот же Смердяков: казалось бы, руководимый всеми, своим Мефистофелем — Иваном, на самом деле — им целиком владеющий, всей его волей, словно куклой, «дергая за ниточки» и направляя отнюдь не только лишь ко злу, но и к добру, в конечном счете — к покаянию, напоминая о всеприсутствующем Боге, в Которого пока и сам не верит. Но, подобно Власу, несомненно достигнет этого, даже «бросаясь в пропасть», совершив вослед Иуде грех самоубийства, поскольку явится (как это было при рождении его) опять — в стремлении найти Святую землю. Которую, однако, обретет (и, надо полагать, способный вознестись в своей душе еще превыше, созерцать неизреченные уже, Божественные тайны, гораздо раньше «русского скитальца»: например — Алеши) — не где-либо извне, в чужих краях, а «внутри себя», или в России. Чьим символом или буквальным воплощением, в себя вбирая все как первоисток, и предстает опять-таки Скотопригоньевск.

О том, что он или его прообраз — город на Полисти, а значит — как бы в Палестине, в ней соответственно является Иерусалимом, свидетельствует и название другой реки — Порусья, собой обозначающей не только всю Россию, но вместе с тем пришествие Спасителя в грядущем (поэтому оно, как уверял когда-то Шатов, произойдет у нас) и одновременно — присутствие Господне в Его Церкви непрестанно, что выражается на богословском языке понятием «парусия»³⁶. Согласно Библии, местопребыванием Бога на земле и воскресения Христова, сошествия Святого Духа на апостолов как раз и выступает град Иерусалим,

«возлюбленный и совершенный». На возможность отождествления его со Старой Руссой, помимо самого названия обоих городов, их близости (к тому же добавляя «hiegos» сюда, или по-гречески — священный³⁷, по-французски — «hieg» — вчера, откуда получается — Святая Русь и соответственно — Старая Русса), Достоевскому еще могли указывать при этом и топографические планы³⁸. Их содержание, иначе — вид, т.е. структура и характер общих очертаний сравниваемых городов — столь удивительно друг с другом совпадают: на что, конечно же, не мог не обратить свое внимание и Достоевский (планы древнего Иерусалима, аналогичные нынешним, впервые появились в середине XIX века³⁹, план Старой Руссы был опубликован еще прежде⁴⁰).

В последнем из упомянутых здесь городов, т.е. в Старой Руссе, о внешних ее стенах, или «решетке», частоколе, действительно когда-то бывших, собой напоминали названия окраинных, или Завальных улиц⁴¹, среди которых, как в Иерусалиме, было четверо основных ворот, или застав, подчеркивая общую прямоугольную основу плана (то самое — «каре», и этим заставляя уподобить город, как бы состоящий из «каменной живых», тот и другой — семейству Карамазовых). Что же касается внутренней стены Иерусалима, которая во времена Христа была, напротив, внешней, то конфигурацию ее, и столь же удивительно, собою повторяют очертания реки Полисть (где также по традиции вдоль берегов, возможно, находились городские стены, чьи ворота, подобные иерусалимским Судным, например, или другим, ныне заменяют два моста — Соборный и Живой, иначе — Александровский). Расположение потоков, рек, а вместе с ними — основных холмов в Иерусалиме и окрестностях его во всяком случае вполне сопоставимо и даже близко совпадает с тем, что можно видеть в Старой Руссе.

В целом облик этих городов собой определяло сочетание, так ярко выраженное здесь, столь несомненных черт патриархальной старины и простоты, напоминающих природу, естество и сходный с ними образ жизни: Авраама, непременно — «стад его» (что, собственно, и есть Скотопригоньевск), с другой же стороны — напротив, отрицающих подобное начал, и прежде всего — в духе римско-эллинической, верней — эллинистической культуры. В романе Достоевского последнее, т.е. стремление стать вровень с метрополией, нашло к тому же свое отражение в названии трактира

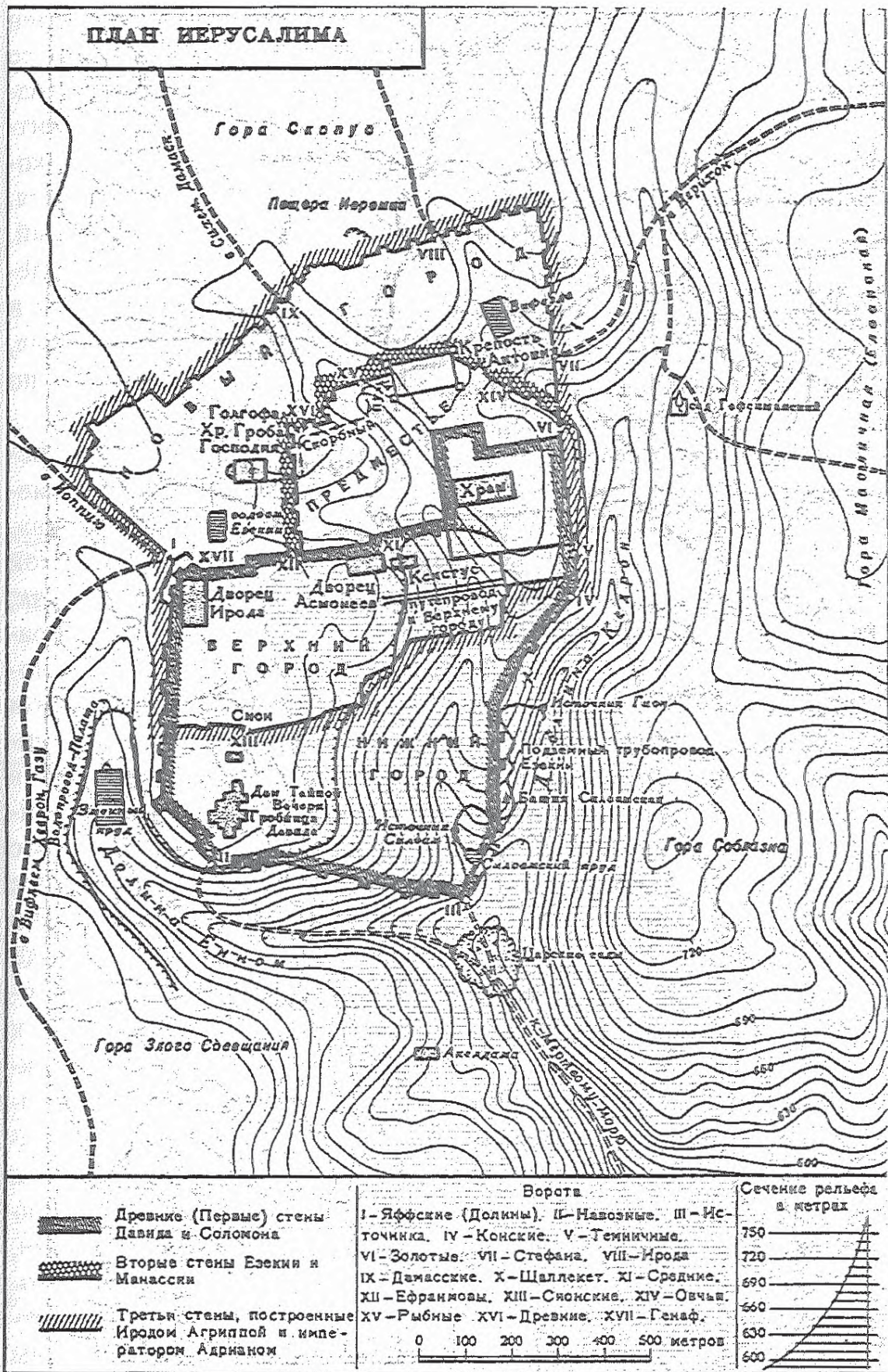

на центральной площади — «Столичный город». Где не случайно Иван и произносит свою речь, которая собою представляет окончательное слово, «крайний вывод» этой же цивилизации, при том, что названный герой есть одновременно своя противоположность — «l'homme de la nature et de la vérité»⁴², по выражению Руссо, а по-другому — варвар, «Простодушный» у Вольтера. Т.е. «желторотый мальчик», «русский человек» (уже хотя бы в силу «молодости нашей нации, несмотря на тысячелетнее ее существование», тем самым разъясня этот парадокс)⁴³. Подобное противоречие в Скотопригоньевске, помимо вида и характера его домов: богатых, современных (в реальной Старой Руссе — это в основном все тот же провинциальный классицизм) и одновременно «курных», почти мужицких изб (где, например, живет семейство Снегиревых чуть ли не вместе со скотом, как в Ноевом ковчеге, недаром здесь упоминается стоящая среди двора, под окнами корова), — все это также воплотилось и в общей планировке города, в котором наряду с прямыми, «скучными», как в Петербурге, улицами есть множество извилистых путей и переулков, подобно тропам где-либо в лесу или в открытом поле сразу же за городом.

И как среди этой нетронутой пустыни, почти что первобытных пастбищ возникает вдруг обитель (вырастая и вместе с тем являясь одновременно первоисточком всей природы), лежит заветный камень (соединяя небеса и землю⁴⁴), так и в основе града, будь это Иерусалим или его наследник, в данном случае — Скотопригоньевск, за всеми наслоениями варварства, отсталости или прогресса заключается единое и вечное начало. Т.е. — Храм, или все тот же правильный четырехугольник, образ всеобъемлющего совершенства, хотя и отделенности при этом, каким, согласно Откровению, предстанет снова в обновленном виде некогда Иерусалим, особый, избранный, но вместе с тем в себя вмещающий и целиком Вселенную. Последний, собственно — град Божий, неизменно пребывая, явится в конце истории, вернее — за пределами ее, как осуществление заранее намеченной эсхатологической стези, т.е. распятия и гибели для мира. Поэтому любой храм вместе с тем содержит в плане своем крест, что можно отнести, конечно, и к Скотопригоньевску, который есть по своей сути — тот же храм⁴⁵, Священная ограда, по-арабски попросту — Харам⁴⁶, иначе — царство Карамазовых.

СКОТОПРИГОНЬЕВСК И ГРАД СВЯТОЙ ИЕРУСАЛИМ

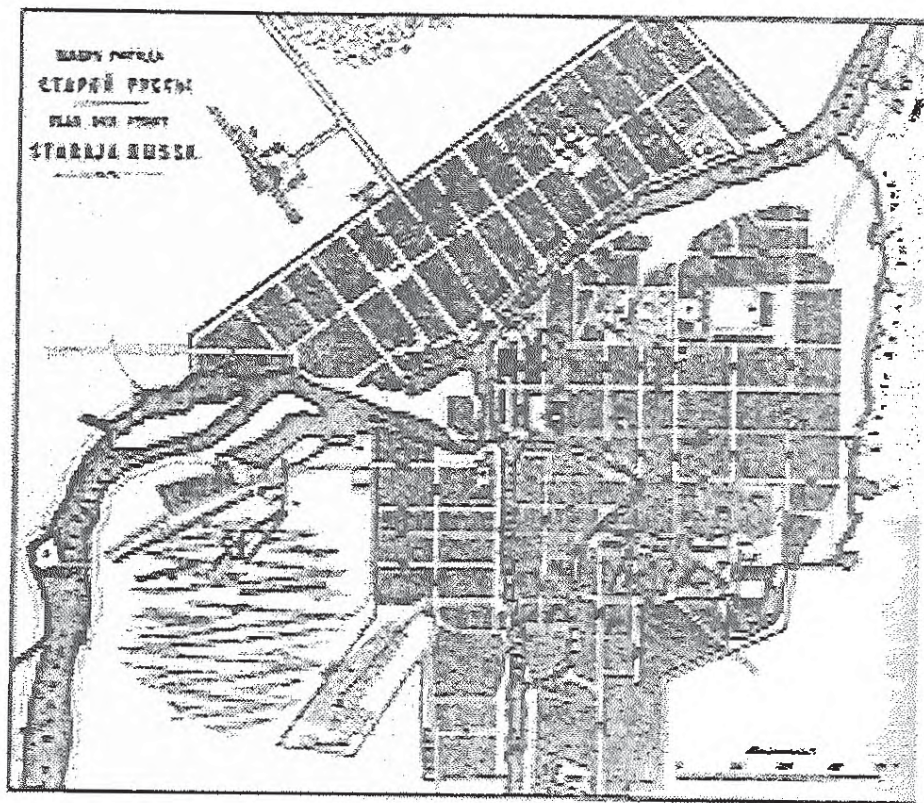

Исток и содержание Креста, поскольку тот был изготовлен некогда из дерева, составляет, таким образом, «живая жизнь» со всеми ей присущими соблазнами, грехами, конец которых неизбежно — смерть (Рим. 6: 21). А потому земная жизнь становится орудием страстей, или «страшилищем судьбы», в борьбе с которым — вовне и в себе самом — и падает сраженный — Митя. Однако он в дальнейшем, в воскресении своем преобразенный, жаждет снова жизни, «видеть солнце» или, как Иван — «зеленые листочки», т.е. прикоснуться к Древу. Ибо, как «падение» и «смерть» произошли отсюда, так «восстановлению», напротив, «подобает» вместе с тем произойти вновь «через Древо»⁴⁷, по слову Иоанна Дамаскина.

Началом всякой жизни с ее страданиями, пагубными или искупительными, выступает тот же древний хаос, не случайно именуемый «бесовским», т.е. либо тот, над которым «еще нет Бога», либо отпавший от благодати Святого Духа. Символами такой жизни поэтому и предстают потоки или реки «вод живых», как, например, опять-таки, река Смердящая — Малашка, что образует с остальными в Старой Руссе, сочетаясь с ними, явное подобие Креста. А несомненным дополнением его, развитием и продолжением к тому же служат перекрестки улиц, традиционно у писателя изображающие крестный путь⁴⁸. Последние, и в целом город, являясь выражением цивилизации, благоустроенной Вселенной, космоса, несут в себе на самом деле тот же хаос как содержание сосуда апокалиптической блудницы, более того — лишь его усугубляя. Поэтому в Скотопригоньевске, что несмотря на всю отсталость, опережает свое время, доходя до крайних выводов, Храмовая площадь, в данном случае — Соборная, с которой некогда Христос изгнал в Иерусалиме всех торгующих, отождествляется, наоборот, с базарной⁴⁹, благодаря чему становится и самым бойким местом в городе (где оттого живет здесь рядом как бы царица в этом мире, «инфернальница», или, по сути, Вавилонская блудница — Грушенька). На этой площади, соединенной также и с другой — Скотопригонной (вот почему не упоминаются здесь реки, их разделяющие, ибо «все смешалось»), в этом месте, на одном ее конце находится трактир «Столичный город», а напротив — лавка Плотникова, или, таким образом, языческий храм плоти, синоним всех новейших перемен, прогресса.

СКОТОПРИГОНЬЕВСК И ГРАД СВЯТОЙ ИЕРУСАЛИМ

План выг. из книги
№ 91 Псковской
губернии
статистический отдел
Старая Русса
1910 г.

ОБЪЯСНЕНИЯ К ПЛАНУ ГОРОДА СТАРОЙ РУССЫ

Г. - этой буквой обозначена городская собственность:
церкви, здания, площади, заведения и сады.

I	Старая железная дорога	XXXIII	Городские училища	30.	Совская речка	64.	Гор. парк
II	Судная река	XXXIV.	Час. животноводного креста	31.	Александровский мост	65.	Час. Св. Иосифа
III	Колодезь		Дорога, ханы, мосты и пр.	32.	Котылоденкиновская ул.		Богодолов
IV.	Городские казармы	1.	Железнодорожный пер.	33.	Новогостинодворская ул.		
V.	Церковь Св. Ауды	2.	Кукуневская ул.	34.	Бульвар ул.		
VI	Дворец и дворовый сад	3.	Петербургская ул.	35.	Алабушев ул.		
VII	Введенская церковь	4.	Тихвинская ул.	36.	Троицко-Спасская ул.		
VIII.	Городская прогимназия	5.	Тихвинский пер.	37.	Симья ул.		
IX	Музыкальный монастырь	6.	Тихвинский пер.	38.	Ильинская ул.		
X	Воскресный госпиталь	7.	Дмитровская ул.	39.	Преображенская ул.		
XI	Мясок	8.	Введенская ул.	40.	Спасская ул.		
XII	Рынок	9.	Котыло ул.	41.	Новоспасская ул.		
XIII	Городские приютские места	10.	Королевская ул.	42.	Александровская ул.		
XIV.	Троицкая церковь	11.	Совская ул.	43.	Старогостинодворск ул.		
XV.	Церковь Успеная	12.	Северная ул.	44.	Крестовая ул.		
XVI	Заведение мраморных вод	13.	Духовная ул.	45.	Дорога в Кресты		
XVII.	Церковь Св. Петра и Павла	14.	Заборокская ул.	46, 47.	3 мельницы		
XVIII.	Церковь Св. Николая	15.	Боготинна ул.	49.	Великая и Рогачевская ул.		
XIX.	Дмитровская церковь	16.	Гуцрина ул.	50.	Земля пер.		
XX	Церковь Св. Мины	17.	Поперечная ул.	51.	Пятишная ул.		
XXI	Георгиевская церковь	18.	Лоповская ул.	52.	Хановская ул.		
XXII.	Летний осенний лазарет	19.	Красный берег или Липовая аллея	53.	Дмитровская ул.		
XXIII	Собор	20.	Покровская ул.	54.	Эулиевская ул.		
XXIV.	Богодоловские заветы	21.	Знаменская ул.	55.	Георгиевская ул.		
XXV.	Солтовой завод	22.	Соломенная ул.	56.	Лебедь переулок		
XXVI	Кладбище и цер. Св. Иосифа	23.	Чертова ул.	57.	Соборный мост		
XXVII.	Лесопильный завод	24.	Мостовая ул.	58.	Дмитровский пер.		
XXVIII.	Еврейское кладбище	25.	Царьдинский источник	59.	Городской сад		
XXIX.	Лютеранская церковь	26.	Екатерининский источник	60.	Чаюшка Св. Ан. Невского		
XXX	Тюрьмный замок	27.	Градиры	61.	Тихвинская ул.		
XXXI.	Старогостинодворская богадельня	28.	Солонья	62.	Кучек пер.		
XXXII.	Владимирская церковь	29.	Мельница	63.	Чаюшка Св. Тихона		

А по-другому — того самого «широкого пути», каким стремительно идет весь мир навстречу гибели. Его в романе образуют, помимо площади, где собирается народ, иначе — Церковь, изменившая себе и обращенная в свою противоположность (как в Иерусалиме, так и в селе Мокром), еще к тому же и берущие начало в этой сердцевине, средоточии всей жизни — улицы. Как, например, в реальной Старой Руссе — Булина, идущая от лавки Плотникова: таким образом, собой напоминая (тем более, что «*boulangerie*» есть булочная, по-французски) о земном, единственно понятном хлебе (для тех, кто «*bulle*»: по-немецки — бык). Свидетельством о ней в повествовании является, по-видимому, фамилия Булкин — школьника, чей товарищ живет на этой улице⁵⁰.

От Скотопригонной площади или единой с остальными у писателя, по той же линии, что Булина, ее собою продолжая, проходит и другая улица — Георгиевская, или Юрьевская, связанная с покровителем скота⁵¹, тем самым значащая то же самое, в себя включающая вместе с тем и слово «юр», т.е. открытое, широкое пространство, торг, базар⁵². Поэтому она и есть, по-видимому, улица Большая, как в целом мир с его неправдой: в форме правосудия, закона — «*juris*» (*лат.*), которую собой символизируют те мальчишки, что, находясь на ней (вернее — возле), бросаются камнями в своего товарища, восставшего как раз наоборот — «за истину-с», «за правду-с».

К тому же знаменательно, что окончанием подобной улицы (иначе — всей земной истории, поскольку имя Юрий значит «земледелец») и вместе с тем ее началом в романе выступает дом главы семейства Карамазовых и в целом города, а, может быть, и всего мира, т.е. — ветхого Адама (чье имя — «глина», «красная земля», тем самым в переводе — Карамазов)⁵³. Жизнь, зарождающаяся здесь и подвергаясь искушениям, соблазнам (недаром расположен рядом как бы райский сад), падениям (на берегу реки Смердящей, что, как в Эдеме — на границе Сада)⁵⁴, в дальнейшем получает и свое возмездие. В конечном счете — словно Карамазов-старший — смерть⁵⁵, ее рождая из себя как плод греха, а в данном случае, конечно — сладострастия, которое и есть, с определенной стороны, тот самый первородный грех, столь тяготеющий над всем семейством⁵⁶. Победу над ним, остальной греховностью и смертью должен одержать особый избранник, Новый Адам, т.е. потомок рода, праведники в нем. А таковыми

предстают все четверо из братьев, собой символизирующие Крест и Лазаря-четверодневного, покрытого коростой грехов (иначе — Карамазова)⁵⁷ и засмердевшего (подобно Павлу Смердякову), от этого (в чем неизбежность) умершего и воскресшего в дальнейшем, распяв всю принятую скверну мира, как и Спаситель на Голгофе. А ею, или «Краниевым местом», служит, таким образом, дом Карамазова-отца (там, где покоится его глава: возможно, на соседнем кладбище Мининской или Георгиевской церкви)⁵⁸.

Отсюда вырастает также Крест, и в виде тех же упомянутых улиц с базарной площадью — их откровенной сутью — в центре, через которую проходит и еще одна из улиц, не продольная, а поперечная — Старогостиннодворная (благодаря последней, город⁵⁹ в своем названии отождествляется с торговыми рядами и Скотопригонным рынком). Преодолевая это средокрестье⁶⁰ во всех его из направлений и возлагая на себя (или всю тяжесть плоти — «каро» — по-латински, иначе — «карамазовскую низость»), вбирая внутрь и становясь «се человек»⁶¹, а потому с собой и распинаемая, тогда и можно обрести вновь Древо жизни в Небесном, таким образом, Иерусалиме. — В Богочеловеке, Новом Адаме главу Которого (и Тела Церкви), увенчанную славой, царскою короной, а прежде — тернием, собой изображает план двух городов⁶²: того, что в Палестине, и другого — рядом с нами — на Полисти, или такого же святого града.

Примечания

¹ Как, например, Фетюкович, во всем облики которого есть, несомненно, «что-то птичье»: в узко поставленных глазах (чем выражается и узость его взглядов, ограниченность ума, природного, «эвклидовского»). Вместе с тем отмеченное прежде можно видеть и во всей его фигуре, в естественной и подлой «стадности» своей склоняющейся, будто «на шалнере», перед общественным господствующим мнением, благодаря чему он предстает «прелюбодеем мысли».

² А потому — «все гусь: были б перья! Чайка гусь, и ворона гусь» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — В 4-х тт. — Т. I. — М., 1998. — С. 410).

³ «Ибо гусак, — как прямо заявляет, например, Иван Иванович у Гоголя, — есть не человек, а птица» (Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми тт. — Т. 2. — М., 1976. С. 203).

⁴ Поэтому их так безжалостно, в духе Шигалева — «уездного мечтателя», Ивана Карамазова, всей социальной мысли Запада, уничтожает под колесами телег, изображая только, что «подвозит хлеб» и кормит их, — Коля Красоткин.

⁵ Нередко липшающийся оттого употребления ног и уподобленный тем самым змию (гораздо более, чем, например, хромой Израиль — богоборец).

⁶ Такой же ангел смерти, любивший пребывать вблизи покойников, читать Псалтирь над ними, как Смердяков — служить над умерщвленными им кошками.

⁷ Вот почему Скотопригоньевск одновременно, по замечанию Н.В. Живолуповой и в соответствии с ее докладом в 2004 году на Старорусских чтениях, собою представляет Назарет, откуда «может ли быть что доброе?» (Ин. 1: 46).

⁸ «Провинциальные, — по выражению Хлестакова, — гуси» («Ревизор», действие IV, явление IV (Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми тт. — Т. 4. — М., 1977. — С. 57).

⁹ Как бы одной «уездной кутузки» (27; 7)^{9а}, куда помещены здесь призванные жить вместе с простыми смердами их баре, пусть даже отделяясь постоянно (подобно «дикому помещику» у Салтыкова-Щедрина). К примеру — Федор Павлович, что отсылает своих слуг (хотя бы оставаясь и один в пустом, просторном доме, подвергаясь оттого опасности), отстраняет их от себя как можно далее — во флигель: Григория Васильевича Кутузова и Павла Смердякова.

^{9а} Предвосхищая этим известное из выражений Г.К. Градовского (27;304—305).

¹⁰ Уже в своем наименовании.

¹¹ Где мог вдруг оказаться Тихон, например, Задонский (родившийся сравнительно недалеко, в с. Короцком на Валдае, с легкостью отождествляемом с Коростынью, что возле Старой Руссы, или Косино). А вместе с ним — когда-то живший в Отенском монастыре Зиновий (в Крестецком уезде). К последнему к тому же приходили с недоуменными вопросами по поводу распространяющейся ереси Феодосия Косого насельники из Старорусского Спасо-Преображенского монастыря. О ней, по сути, или же о протестантизме, в целом — духе Запада, нахлынувшем вот так же на Россию, беседуют и посетители старца Зосимы в «Братях Карамазовых» (в кн. «Неуместное собрание»).

¹² Недаром именуемой у Достоевского — «базарной», поскольку в данном случае, как надо полагать, имеет место игра слов, собою отражающая ту же двойственность: «bizarre» — иначе «странный», по-французски (так, именно этим словом, он характеризует жителей Старой Руссы — в одном из своих писем — 29, I; 243) и «beaux arts», т.е., условно говоря, — «высокий и прекрасный», ибо «идеал красоты человеческой — русский народ» (27; 59). То и другое находит отражение в романе, в том числе и в сцене на базарной площади (в X кн., гл. «Школьник»).

¹³ См. 70-е примечание к первому тому его «Истории государства российского» (Карамзин Н.М. История государства российского. — Т. 1. — М., Наука, 1989. — С. 196 — 198).

¹⁴ Ломоносов М.В. Для пользы общества. — М., 1990. — С. 181—182, 190—191.

¹⁵ В чем Достоевский вместе с тем отказывал Н.М. Карамзину.

¹⁶ А равно, как и вообще в т.н. «баснословие», к которому в то время относили (и, видимо, такую точку зрения в романе выражает учитель Дарданелов — 14; 465) не только «Илиаду» (сам Достоевский, как известно, считал ее богооткровенным текстом, Евангелием древних греков — 28, I; 69), но и Библию (такой подход тогда уже опровергала и сама наука, археология: раскопки Г. Шлимана в Африке, к примеру, в первом случае, и в Палестине — во втором).

¹⁷ Хотя могли бы очутиться в этом городе вполне случайно: поехав вслед за женихом (Катерина Ивановна) или на отдых и лечение (Лиза Хохлакова).

¹⁸ О чем свидетельствует и определение в романе: «земляная карамазовская сила» (14; 201), — поскольку черная и «необделанная» масса (опять-таки две части названной фамилии — в их переводе) и есть земля (та, что «безвидна и пуста», еще не высеченное слово как бы, а «каракуля», подобно Мите, «несуклюжей и позорной твари», т.е. «зверю», «дикарю»).

¹⁹ Горняя мудрствовати» и «горних, — как о нем сказано, — искати» (14; 66).

²⁰ К тому же трое братьев в социальном смысле выражают одновременно и три пути: т.н. традиционно «правый» — Митя (консервативный и патриархальный — в духе почитания «земли», незыблемых основ народной жизни), «левый» — соответственно Иван (совсем напротив — прогрессивный, либеральный, предполагающий поэтому «Геологический переворот», Преображение Вселенной), третий, синтетический — Алеша (все примиряющий, в себе соединяющий, собою представляя как бы оттого прямую, светлую дорогу, явленную в откровении небесной Каны Галилейской названному брату).

²¹ Впервые — в книге: Паренаго С.Н. Краткий исторический очерк города Старая Русса. — Новгород, 1929.

²² Как надо полагать — Вергилия, подобно Пушкину, и прежде всего — «Энеиду».

²³ В огне и пламени страстей, мучительных страданий и почти живым, поскольку от него после кончины не было и «запаху», черты лица «совсем почти не изменились» (15; 180). К тому же умерший, вернее — как бы вознесенный, оставил, словно тот, с кем он невольно сравнивается, часть одежды: постельку (вместо покрывала) и сапожки.

²⁴ Поскольку в нем — вся мощь и крепость, «колесница», «конница его» (4 Цар. 2; 12), вся сила государства, чем предстает в дальнейшем Илья Муромец.

²⁵ Каким и выступил здесь названный пророк, предшествуя Христу, но только в образе ином — Крестителя Господня.

²⁶ Хотя — в основе этого названия лежит совсем другое имя: римское, языческое — Элиа Капитолина, присвоенное городу после разрушения его (в честь императора, им овладевшего, т.е. — Адриана, носившего такое прозвище, иначе — Элий), — имя, что, однако, приобрело в дальнейшем, надо полагать, иное содержание.

²⁷ Осуществленным, и над ним же, детьми — последователями названного и его духовными наследниками — Павлом Смердяковым во главе с Иваном.

²⁸ Извилистой реки Малашки, неудобной, например, для сплава леса или судоходства.

²⁹ По-гречески и по-немецки.

³⁰ Таким путем, по смежности, как хорошо известно, получил свою фамилию учитель Дарданелов, что упомянут был по поводу прежде всего истории о Трое.

³¹ Где возрастал духовно, как известно, Петр, и куда, но только в Старой Руссе, Достоевский, видимо, и помещает самого похожего на Федора Павловича сына, его прямого продолжателя — Ивана. Недаром он живет здесь, возле улиц Мостовой (а Запад весь, по отзыву писателя, есть «мостовая» — 23;96) и Чертовой одновременно. Лукавый прямо оттого является ему в галлюцинации, а, может быть — и наяву, подобно всякой нечисти на т.н. Кокуев праздник, т.е. день Ивана Купала, когда открываются различные богатства, клады, о коих и мечтает названный из братьев, желая этим, кроме собственного, также устроить и всечеловеческое счастье, «камни верь» обращая в «хлебь», на деньги покупая, таким образом, духовные богатства. Вроде Симона-волхва, пытавшегося некогда к тому же вознестись на небо, там похищая, словно Прометей, огонь цивилизации, низводя его на землю. Напоминанием чему в Скотопригоньевске, вернее — в Старой Руссе, могло служить неподалеку находящееся Симоновское кладбище. А указанием на собственное преступление Ивана во имя тех же, как и у Раскольникова, целей (недаром тот живет у т.н. Кокушкина, или Кукушкина моста), т.е. обретения богатства и тем самым счастья всех людей — к примеру, Теслов переулок, рядом с улицей Кукуевской (от слова — «тесло», собственно — топор, запущенный Иваном в небо против Бога, а на земле — против отца). Убийство лошади в романе «Преступление и наказание» сопоставляется с убийством, совершенным далее Раскольниковым, то же самое, конечно, можно говорить о смерти Карамазова-отца, о чем свидетельствует и еще одно название из улиц возле прежних — Коновалова (в такой трактовке), соединенной как бы непосредственно с соседней — улицей Калинина, поскольку символом случившейся трагедии, ее предзнаменованием явилось восклицание в романе Мити перед этим: «Калина, ягоды какие красные» (14; 353) («калина» значит здесь не только цвет, но также, надо полагать, и действие — «колоть»). Подобные наименования должны были, по-видимому, послужить Ивану вместо сновид-

дений, ниспосылаемых Раскольникову и одновременно рождающихся в глубине его души как голос пролитой им крови и голос совести (хотя чужая кровь есть собственная вместе с тем).

³² Т.е. персонаже пропущенной главы романа «Бесы».

³³ Согласно его имени.

³⁴ Перефразируя известное высказывание о нем Мити.

³⁵ Каким является Молчалин, например, согласно его переоценке Достоевским (24; 240, 307).

³⁶ Так же, как в название Неаполь (в романе «Идиот», там обозначающее Новый город, т.е. Небесный град Иерусалим), в наименование и сей реки писатель мог, по-видимому, вкладывать особый смысл.

³⁷ Как и пытались некогда перевести название столицы Иудеи.

³⁸ См. приложение.

³⁹ См. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3-х тт. — М., 1993. — Т. 1. — С. 211; Библейская энциклопедия под ред. архимандрита Никифора. — М., 1990 (М., 1891). — С. 332.

⁴⁰ Например, в книге: Воскресенский А.Е. Город Старая Русса и его соляно-минеральные источники... — СПб., 1839. См. также кн.: Вертер Л. и А.С. Старая Русса и ее минерально-врачебные средства. — СПб., 1862; Рохель А.А. Старорусские минеральные воды. — СПб., 1880.

⁴¹ Именуемых также — Городской вал.

⁴² Человек природы и правды (*фр.*).

⁴³ Своей патриархальностью, отсталостью, стремлением к блаженному из состояний — детству человечества, что отличало прежде — «избранный народ».

⁴⁴ Словно — в видении Иакова, в романе — в таком же предсказании Алеши, в его последней речи — «у камушка», приоткрывая рай и связывая обе Церкви, горнюю и дольную, Илюшу и его товарищей.

⁴⁵ Или опять-таки — «карé».

⁴⁶ А в полном виде — сюда к тому же добавляя — «эс-Шериф».

⁴⁷ Цит. по кн.: Илларион, архимандрит. На земле обетованной. — В. Новгород, 2000. — С. 76—77.

⁴⁸ Поэтому сюда и посылает Соня Мармеладова Раскольникова с целью покаяния.

⁴⁹ Подобное соединение Соборной и Торговой площади можно увидеть также и в рассказе о городе Афимьевском, иначе — Старой Руссе, Макара Ивановича Долгорукого в «Подростке».

⁵⁰ Не кто иной, как Смуров, т.е. темный (недаром — в черной курточке — 14; 161), несущий смерть: к примеру — мальчику Илюше, — а потому вдобавок и левша.

⁵¹ Святым Георгием.

⁵² Согласно В.И. Далю (его Словарю..., т. IV. — М., 1998. — С. 668).

⁵³ Вследствие — того, что данная фамилия, как и другая — Кармазинов в «Бесах», собой обозначает не только черное, но также — красное.

⁵⁴ Тут следует, по-видимому, подразумевать реку Евфрат, созвучную по своему названию с именем ветхозаветной Евы, т.е. Лизаветы, в данном случае, Смердящей, в то время как другая пограничная река в Эдеме — Тигр — соответствует в Скотопригоньевске, вернее Старой Руссе, Перерыгище, также обрамляющей собою сад, на берегу которой вместе с тем живет блудница, inferнальница, собой напоминающая Вавилонскую блудницу, что сидит на звере: или в романе — Грушенька, именуемая как библейская река Тигр (14; 141).

⁵⁵ Не зря поэтому и сын его — убийца Смердяков — наделен такой фамилией.

⁵⁶ Где все, по сути, сладострастники, не исключая даже и Алеши (в чем он сам так откровенно признается).

⁵⁷ Или, как сказано в романе, — Черномазова.

⁵⁸ Где он, по-видимому, похоронен был, как и Илюша, — в дорогой могиле, рядом с домом.

⁵⁹ Старая Русса.

⁶⁰ Что есть к тому же — и в Иерусалиме, благодаря пересечению двух главных улиц (и среди них одна, идущая, как в Старой Руссе, с севера на юг, при этом именуется Базарной).

⁶¹ В конечном счете — Медный Змий, которому уподобляет Сам Себя Христос (Ин. 3: 14).

⁶² Подобно тому — как комната Раскольниковова в «Преступлении и наказании» изображает собой гроб, к примеру, Лазаря четверодневного, а в «Идиоте» — то же самое, но только дом Рогожина.